

АЛЛА БОРИСОВНА ЛИХАЧЕВА

Вильнюсский университет

Об артикуляционном аспекте представления русской звуковой системы русистам-инофонам

В сложившейся академической практике курс фонетики изучаемого языка предшествует другим теоретическим курсам соответствующей филологической специализации. Так, будущие русисты знакомятся с устройством звукового уровня современного русского языка в начале своего филологического образования, что накладывает на описание фонетики особые требования: с него должно начаться понимание системного устройства языка, осознание взаимообусловленности и взаимосвязанности его элементов. В ситуации, когда преподавание и изучение курсов специальности *Русская филология* осуществляется в иноязычных условиях, эти курсы должны обладать своей спецификой по сравнению с подобными дисциплинами, читаемыми российским студентам. Необходимость создания национально ориентированных курсов русской фонетики отмечается специалистами по преподаванию русского как иностранного, однако речь идет в первую очередь о неспециализированных практических курсах по отработке русского произношения, смягчении фонетической интерференции и явлений гиперкоррекции [Бархударова 2004]. Вместе с тем, элементы контрастного описания русской и иной звуковых систем позволяют углубить и расширить *теоретическое* содержание курса фонетики современного русского языка для будущих русистов-инофонов, а в конечном итоге — облегчить осознание системной идиоматичности русского звукового строя и устройства языка в целом. Подобное описание эффективно и в прикладном отношении для *практического* воплощения будущими профессиональными русистами русских орфоэпических норм [ср. Логинова 2004]. Проблема, очевидно, заключается в том, чтобы при подаче фонетического материала в инофонной филологической аудитории дисциплина русистского блока

не трансформировалась в сопоставительную фонетику/фонологию русского и иного языка. В связи с этим представляется важным обсудить способы и приемы рациональной экспликации в учебных материалах отличий элементов русской звуковой системы от соответствующих иноязычных элементов.

Рассмотрим некоторые особенности курса фонетики современного русского языка для студентов-русистов литовских университетов и остановимся на артикуляционном аспекте. Ключевым моментом подобных курсов является их синтетический характер, теоретическая и прикладная направленность [см. Лихачева 2008; Лихачева 2004], ведь одновременно с усвоением теоретических лингвистических сведений у инофонов происходит формирование и совершенствование русских произносительных навыков. Важность этого момента обусловлена тем, что, как показывает изучение тождественных по типу речеобразования звуков различных языков, “произносятся они при помощи различных, присущих разным языкам приемов, которые образуют артикуляторную базу каждого конкретного языка. Без учета этого положения всегда остается вероятность появления ошибок в произношении, связанных с подменой звуков изучаемого языка звуками родного языка. <...> так как слуховой и речевой аппарат людей адаптирован к функционированию в среде родного языка” [Златоустова и др. 1997, 8].

Понятие *артикуляционной базы* как совокупности движений и положений активных органов речи, необходимых для произнесения гласных и согласных данного языка, является “теоретической основой (выделено мной. — А.Л.) практической работы по постановке произношения неродного языка” [Раевский 1996, 78]. Действительно, по мнению специалистов, “процесс формирования артикуляционной базы должен быть сознательным, т.е. учащемуся необходимо сознательно отказаться от произносительных навыков, формирующих артикуляционную базу его родного языка. Сознательное усвоение артикуляционной базы ведет к созданию более прочного стереотипа работы артикуляционного аппарата” [Одинцова 2001, 240]. Поэтому при описании русских вокалических и консонантных артикуляций целесообразно эффективнее использовать приемы контрастивного описания и понятия общей фонетики, в частности, *артикуляционной цели, целевой артикуляции и артикуляционного жеста* [ср. Общая фонетика 2003; Кодзасов, Кривнова 2001; Златоустова и др. 1997], поскольку объяснить будущему русисту, говорящему по-русски с акцентом, что некоторые звуки в его речи — не из русской звуковой системы, показать, “что не так” в его произношении, факти-

чески невозможно без использования понятий, непосредственным образом описывающих работу речевых органов.

Как отмечают исследователи, “современные модели речепроизводства <...> исходят из допущения, что в памяти человека в процессе усвоения языка и развития речевых навыков формируется набор целевых артикуляций”, которые могут быть интерпретированы с собственно артикуляционной точки зрения как ментальные образы, фиксирующие “определенное положение произносительных органов в пространстве речевого тракта (это статические артикуляционные позы, которыми должен владеть носитель языка)”; при этом “предполагается, что каждой фонеме соответствует своя целевая артикуляция. <...> это статическая единица речепроизводства, внутренне задаваемая артикуляционная “поза”, в результате достижения которой порождается нужный звук” [Кодзасов, Кривнова 2001, 54]; ср. также сходную дефиницию в “Оксфордском лингвистическом словаре”: “артикуляционная цель (*articulatory target*) — это идеальный звук или артикуляция, к которой при производстве фонемы гипотетически стремится говорящий” [Matthews 2007, 402]. Таким образом, сущность *целевой артикуляции* связывается со “знанием говорящего того, какую работу и какими органами речи он должен осуществить, чтобы в результате возник такой акустический сигнал, который позволит слушающему опознать этот звук” [Кодзасов, Кривнова 2001, 53].

Например, артикуляционная цель любого гласного заключается в создании конфигурации речевого тракта, обладающей нужными резонансными характеристиками и не создающей какого-либо препятствия для прохода воздушного потока; артикуляционная цель любого шумного согласного состоит в создании шумообразующей преграды для воздушного потока — значительного сужения, обеспечивающего образование турбулентного шума, либо полного смыкания артикуляторов и следующего за ним воздушного толчка; целевые признаки сонорных согласных по формированию резонансных свойств речевого тракта в общем виде занимают промежуточное положение между целевыми артикуляциями гласного и согласного. В итоге можно сказать, что важнейшими параметрами, различающими артикуляционные цели основных типов звуков (гласных, шумных и сонорных согласных) являются способ создания сужения в ротовом резонаторе и степень этого сужения [там же, 55–57]. Очевидно, что в ходе описания русской звуковой системы типовые артикуляционные целевые характеристики всех разрядов звуков должны быть конкретизированы и дополнены данными, касающимися собственно русской артикуляционной базы.

Понятием *артикуляционного жеста* удобно пользоваться для описания производства звука, то есть для динамического представления артикуляции. Однако этот термин понимается в современной фонетической науке двояко: как артикуляционный *компонент* производства звука или как артикуляционный *комплекс* для производства звука. Первое понимание обнаруживаем, например, в таких формулировках: “Артикуляционный жест (*articulatory gesture*) есть структурированное движение органов речи, направленное к специфической артикуляционной цели, напр.: некоторое движение для образования губной смычки, некоторое движение по сближению спинки языка с мягким небом” [Matthews 2007, 158]; всякий язык обходится ограниченным набором действий органов речеобразования — артикуляционных жестов, и именно совокупности присутствующих данному языку артикуляционных жестов, связанных с работой различных органов речевого тракта, ведут в каждом конкретном случае к образованию того или иного звука речи [Златоустова и др. 1997, 8].

Иное, разделяемое нами, понимание *артикуляционного жеста* заключено в следующем определении: “Артикуляционный жест представляет собой двигательный акт, с помощью которого реализуется в речи целевая артикуляция. Он является комплексным и включает координированные движения всех речевых органов, которые участвуют в реализации артикуляционной цели” [Кодзасов, Кривнова 2001, 62]. Согласно этой точке зрения, при артикуляции того или иного звука органы речи действуют совокупно, “комплексно”, и такой комплекс артикуляционных параметров каждого звука — его артикуляционный жест — может быть представлен в виде набора отдельных артикуляционных работ, или в виде “различных “аккордов”, состоящих из немногих совместимых в данном языке, т.е. могущих быть одновременно реализованными, элементарных артикуляций, приводящих к произнесению звуков речи — представителей отдельных фонем” [Раевский 1997, 78].

Основоположник русской фонологической школы И. А. Бодуэн де Куртенэ еще в 1888 г. писал о том, что фонема всегда ассоциируется “с представлением нескольких работ отдельных частей говорильного аппарата, иначе, с представлениями нескольких артикуляций” [Бодуэн де Куртенэ 1963, т. 1, 257]. В 1917 г. он дал определение этим “работам отдельных частей говорильного аппарата” с помощью понятия *кинема* (от греч. κίνημα — *движение*): “Кинема — с точки зрения языкового мышления, дальше не разложимый произносительный или фонационный элемент, например, представление работы губ, представление работы мягкого нёба, представление работы средней части языка и т. д.” [там же, т. 2, 290].

В описаниях артикуляции и работах по коррекции фонетической стороны речи, наряду с термином *кинема* [Фомичева 1997; Гвоздев 1961], используются термины *артикулема* [Ермакова 1996], *артикуляторная позиция* [Большакова 2002], *элементарная артикуляция*¹ [Раевский 1996]. С *кинемой* может быть соотнесена и часть *артикуляционного жеста* как комплексного произносительного механизма (Кодзасов, Кривнова 2001, 62).

Представление об отдельности кинемы не противоречит пониманию того, что поток речи — это не последовательность отдельных артикуляционных жестов, а “глубокое переслаивание артикуляционных жестов соседних звуков”, при котором отсутствуют резкие начальные и конечные границы артикуляции звуковых единиц (Кодзасов, Кривнова 2001, 63–64). Знание принципов артикуляции каждого отдельного звука любого языка и умение объяснить их важно и для понимания устройства звуковой системы языка, ее сходств и различий с другими звуковыми системами, и для преподавания всякого конкретного языка².

Итак, кинема — это работа одного из органов речи в производстве отдельного звука или нескольких артикуляционно схожих звуков. Например: при артикуляции звуков [п], [б], [м] одна из кинем — губная; в артикуляции [б], помимо губной, выделяется гортанная кинема, т. к. в образовании звонких согласных участвуют голосовые связки; при артикуляции [м] к первым двум добавляется носовая кинема, т.к. при образовании этого звука открывается проход воздуха в носовой резонатор.

Характеристика произношения отдельных звуков — это характеристика их артикуляционных жестов, включающих некоторый комплекс кинем, или отдельных произносительных работ. Так, артикуляционный жест звука [н] складывается из следующих кинем: кончик языка после присоединения к зубам размыкается с ними (это означает, что по способу образования производится смычный согласный, а по месту образования — зубной переднеязычный); небная занавеска опускается (это означает, что производится носовой согласный, поскольку небная занавеска не закрывает проход воздуха в носовую полость); голосовые связки смыкаются и дрожат (это означает, что производится звонкий или сонорный согласный: в звукообразовании участвует тон); задняя часть языка приподнимается к мягкому небу (это означает, что производится твердый согласный с характерной для таких согласных веляризацией). Артикуляционный жест звука [х'] включает следующие кинемы: задняя часть языка образует щель со средней частью неба (это значит, что по способу образования производится щелевой согласный, а по месту образования — заднеязычный средненебный); небная занавеска приподни-

мется (это означает, что производится неносовой согласный, поскольку небная занавеска закрывает проход воздуха в носовую полость); голосовые связки размыкаются (это означает, что производится глухой согласный: в звукообразовании не участвует тон); передняя часть языка приподнимается к твердому небу (это означает, что производится мягкий согласный с характерной для таких согласных палатализацией). Говоря об аффрикатах, необходимо указывать их смычно-щелевое образование, поэтому одна из кинем описывается следующим образом: органы речи после полного смыкания размыкаются, образуя щель, т.е. меняется способ образования согласного, но не место его производства. Так, в кинемной характеристике [ч'] должно быть указано, что кончик языка смыкается, а потом образует щель с передней частью неба, и артикуляция [ч'] может быть условно представлена в виде слитно артикулируемого [т'ш']. Относительно [ц] отмечается, что кончик языка смыкается, а потом образует щель с зубами, в результате слитно артикулируется [тс]. При этом следует обратить внимание на то, что каждая из русских аффрикат — это не последовательное произнесение двух звуков [т'+ш'] или [т+с], а один слитный звук [Касаткин 2003, 41–42].

Реализация целевых артикуляций гласных, естественно, формулируется с учетом иных параметров. Например, артикуляционный жест специфического русского звука [ы] включает следующие кинемы: 1) передняя часть спинки языка приподнимается к твердому небу, а средняя и задняя — к задней части неба (гласный заднего ряда), при этом весь язык отодвигается назад; 2) резонатор растворяется узко (это означает, что производится гласный верхнего подъема).

Особенно актуально сравнение артикуляционных жестов русских и литовских звуков, имеющих одинаковые классификационные обозначения в своих звуковых системах, но артикуляционно не абсолютно идентичных, и установление тех кинем, которыми они различаются. Например, если сравнить артикуляционные жесты русских и литовских парных по твердости-мягкости зубных взрывных согласных, то выяснится, что русский [т] и литовский [t] аналогичны друг другу. В комплекс их элементарных артикуляций входят следующие:

- передняя часть языка смыкается с верхними зубами, после чего происходит быстрое шумообразующее размыкание (по месту образования это переднеязычный зубной согласный, по способу образования — смычный взрывной) [Касаткин 2003, 41; Rakerys 2003, 71, 73],
задняя часть языка оттягивается к заднему небу (веляризация),

голосовые связки разведены, или разомкнуты (обеспечение артикуляции глухих согласных).

В артикуляционном жесте русского [д] и литовского [d] иначе представлена лишь последняя кинема:

- голосовые связки сведены, или сомкнуты (обеспечение звонкости согласных).

Однако сопоставление мягких пар рассмотренных звуков дает иную картину. Русские [т'] и [д'], по сравнению с литовскими, – слегка аффрицированные звуки. Какие же кинемы не совпадают при произношении русских и литовских мягких зубных? Производство этих русских звуков включает следующие кинемы:

- передняя часть языка плотно примыкает (образуется смычка) к небу от зубов до середины неба, но кончик языка остается у нижних зубов, спинка языка высоко поднимается к твердому небу [Одинцова, 1994, 25–26].

В артикуляции литовских [t'] и [d'] кинемы выглядят несколько иначе:

передняя часть языка примыкает к небу от зубов до середины неба, а кончик языка прижат к почти сомкнутым передним зубам, площадь соприкосновения языка с небом значительно больше, чем при артикуляции твердых [t] и [d], спинка языка поднимается к твердому небу [Pakerys 1986, 124–125].

Артикуляционное своеобразие русских мягких [т'] и [д'], воспринимаемых как слитные сочетания [т^hc'] и [д^hʰ'], обеспечивается их предорсальностью — ориентацией кончика языка к нижним зубам и, главным образом, более высокой степенью выгиба языка к твердому небу, чем при произнесении литовских мягких [t'] и [d']. Иными словами, артикуляция мягких согласных сопровождается палатализацией, которая в русской звуковой системе существенно отличается от палатализации в литовской звуковой системе.

Такое существенное поднятие средней части языка вверх, к твердому небу, и легкое выдвигание языка вперед, в зону артикуляции гласного [и] приводит к большей мягкости всех русских согласных по сравнению с их литовскими коррелятами [Плакунова 1987, 44–46]. В то же время именно категория твердости-мягкости считается центральной в русском консонантизме, мягкость распространяется на класс губных и реализуется на конце слова, чего нет в литовском языке и вообще явля-

ется типологически редким явлением [Бархударова 1999, 75–76]. Поэтому ошибки, связанные с разграничением твердых и мягких согласных и воспроизведением степени мягкости последних, можно считать наиболее устойчивым фонетическим шибболетом³, характеризующим как литовский акцент в русской речи, так и русский акцент в речи на литовском языке.

Традиционную сложность для литовцев представляет осознание непарности некоторых русских звуков, поскольку в литовском языке все непалатализованные согласные имеют мягкие пары. В связи с этим разъяснение того, какими кинемами различаются литовские и русские звуки, обладает реальной объяснительной силой по сравнению с простой констатацией факта несовпадения, отраженного в соответствующих артикуляционных классификациях. Например, русские непарные твердые [ж] и [ш] имеют какуминальную артикуляцию, которая сопровождается более значительной, чем у других русских твердых согласных, веляризацией [Широков 1985, 51]. При произношении литовских [ž] и [š] язык сближается с твердым небом, располагаясь более плоско, чем при артикуляции русских эквивалентов, поэтому литовские [ž] и [š], оставаясь в своей звуковой системе твердыми звуками, на слух воспринимаются как более мягкие, чем [ж] и [ш] в системе русских звуков [Плакунова 1987, 50].

Кинемная характеристика позволяет понять и описать, в чем состоит различие произношения сходных звуков разных языков, и устранить интерферентные явления при артикуляции звуков неродного языка. Обратно говоря, эта характеристика позволяет уловить неверную “ноту” в артикуляционном “аккорде” и отрегулировать “исполнение” звука.

Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой при *теоретическом* и *практическом* знакомстве с артикуляционным аспектом языка “элементарные артикуляции, будучи действительно предельными единицами артикуляционной деятельности, являются <...> важнейшими предпосылками для реализации двигательной стороны речевых актов. Они придают ей членораздельный характер, делая ее тем самым анализируемой и поддающейся усвоению в процессе обучения языку” [Раевский 1996, 80]. Вместе с тем сопоставление языков показывает, что единые названия типа “мягкость”, “глухость”, “звонкость”, часто скрывают существенные артикуляционные и функциональные различия признаков: “по языкам меняется как состав параметров, входящих в одноименный комплекс, так и относительный “вес” параметров” [Кодзасов, Кривнова 2001, 407]. В связи с этим представляется целесообразной работа по сопоставительному описанию целевых артикуляций и

артикуляционных жестов всех звуков русского и литовского (а также русского и другого) языков с учетом того факта, что за единичными названиями целевых артикуляций в сопоставляемых языках могут стоять разные способы их реализации — разные артикуляционные жесты.

Контрастивный характер курса фонетики современного русского языка для русистов-инофонов обеспечивает возможность осмыслить звуковые явления русского языка как системообразующие и системозависимые, присущие лишь этому языку и составляющие его специфику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В цитируемой статье М.В. Раевского понятию *элементарная артикуляция* противостоит понятие *артикулемы* как совокупности отдельных артикуляций при производстве звука-репрезентанта фонемы. Иными словами, термин *элементарная артикуляция* выступает в качестве замены термину *кинема*, а термин *артикулема* — как альтернатива термину *артикуляционный жест*. В нашей статье принимается пара терминов *артикуляционный жест* и *кинема*.

² Не случайно типичной рекомендацией специалистов в области преподавания русского как иностранного является постановка трудных русских звуков в изолированной позиции с последующим закреплением их произношения в определенных звуковых сочетаниях [напр., Одинова 1994].

³ Библейское выражение, получившее в лингвистике статус термина, называющего некоторую речевую/произносительную особенность, выдающую этническую принадлежность человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударова Е.Л., 1999: *Русский консонантизм: типологический и структурный анализ*. Москва.
- Бархударова Е.Л., 2004: Лингвистические основы создания национально ориентированных курсов русской фонетики, in *Русский язык: исторические судьбы и современность*: Труды и материалы. Москва, 494–495.
- Бодуэн де Куртэнз И.А., 1963: *Избранные труды по общему языкознанию*. Москва.
- Гвоздев А.Н., 1961: *Вопросы изучения детской речи*. Москва.
- Ермакова И.И., 1996: *Коррекция речи и голоса у детей и подростков*: Книга для логопеда. 2-е изд. Москва.
- Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н., 1997: *Общая и прикладная фонетика*. 2-е изд. Москва.
- Касаткин Л.Л., 2003: *Фонетика современного русского литературного языка*. Москва.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф., 2001: *Общая фонетика*. Москва.
- Лихачева А., 2004: Русская фонетическая транскрипция и проблемы орфоэпии, in *Baltų ir kitų kalbų fonetikos ir akcentologijos problemos*. Vilnius, 174–178.

- Лихачева А., 2008: *Звучащая русская речь*. Теоретические вопросы. Практические задания. Прикладные аспекты. Vilnius.
- Логинова И.М., 2004: Построение теоретического курса фонетики русского языка с учетом современного уровня развития языкознания и лингводидактики, in *Русский язык: исторические судьбы и современность*: Труды и материалы. Москва, 344.
- Matthews P.H., 2007: *Oxford Concise Dictionary of Linguistics*. Second edition. Oxford University Press.
- Общая фонетика, 2002 = *Программы и учебный план отделения теоретической и прикладной лингвистики* (филологический факультет МГУ). Москва, 10–16.
- Одинцова И.В., 2004: *Ритмика, звуки, интонация*. Практическое пособие по русской звучащей речи. Москва.
- Одинцова И.В., 2001: Роль противопоставления согласных по твердости-мягкости в формировании артикуляционной базы русского языка, in *Русский язык: исторические судьбы и современность*: Труды и материалы. Москва, 240–241.
- Pakerys A., 2003: *Lietuvių bendrinės kalbos fonetika*. 3-iasis patais. ir papild. leid. Vilnius.
- Pakerys A., 1986: *Lietuvių bendrinės kalbos fonetika*. Vilnius.
- Раевский М.В., 1996: Артикуляционный релевантный признак фонемы или элементарная единица артикуляционной деятельности, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, № 6. Москва, 74–82.
- Фомичева М.Ф., 1997: *Воспитание у детей правильного произношения*. 4-е изд. Москва, Воронеж.
- Широков О.С. 1985: *Введение в языкознание*. Москва.

E-mail: a.li@takas

Ноябрь 2010 г.

ALLA LIKHACHOVA

On the Articulatory Aspect of the Presentation of the System of Russian Sounds to Non-native University Students of Russian Philology

The article asserts that the presentation of Russian phonetic system which is addressed to non-native students of Russian philology should have some important distinctions from the one devoted to university students in Russia.

Specifically, the phonetic course for Lithuanian students of Russian philology must not only rest upon the classification parameters of Russian sounds, but also apply more efficiently the elements of the contrastive analysis of both languages' phonetic systems. In addition, some concepts of general phonetics, such as *articulatory goal* and *articulatory gesture*, must be used. It seems to be expedient for theoretical aims as well as practical, because the adoption of linguistic data of this kind helps to shape and support the correct Russian articulatory habits.